

Воспоминания

Recollections

DOI: 10.31857/S020596060027062-0

БИОГРАФИЯ УЧЕНОГО КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

АКСЕНОВ Геннадий Петрович – *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14; эл. адрес: gen.aksenov@mail.ru*

© Г. П. Аксенов

Ученый – современник конкретных исторических обстоятельств и воспринимает социальные условия своего времени. С другой стороны, он входит в научное сообщество и занимается конкретной научной дисциплиной. Эта двойственность создает проблему адекватности описания. До некоторой степени она порождает соотношение неопределенностей. Чем более точно и подробно описывается личная и социальная жизнь ученого, тем менее точно передается суть его открытий и научной жизни. Задача биографа состоит в том, чтобы найти правильный баланс этих двух потоков, который позволит удержать внимание читателя. Практически автор находит это соотношение интуитивно. Тем самым биограф преодолевает время. Какое именно и чье время? На этот вопрос отвечает данная статья.

Ключевые слова: история науки, биография ученого, В. И. Вернадский, В. Гейзенберг, А. Бергсон, Г. Зиммель, В. Муравьев, социальное время, биологическое время.

Статья поступила в редакцию 28 августа 2022 г.

BIOGRAPHY OF A SCIENTIST AS A SURMOUNTING OF TIME

AKSENOV Gennadii Petrovich – *S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences; Ul. Baltiyskaya, 14, Moscow, 125315, Russia; E-mail: gen.aksenov@mail.ru*

© G. P. Aksenov

Abstract: The scientist as an individual is a contemporary of particular historical circumstances who perceives social conditions of his time. On the other hand, he or she is part of a scientific community and is involved in a particular scientific discipline. This duality creates a problem of adequacy of the description. To an extent, it

generates an uncertainty relation. The more accurately and detailed the description of a scientist's personal and social life is, the less accurately the essence of his discoveries and his scientific life is conveyed. A biographer's task is to find the right balance of these two flows that would allow holding the reader's attention. In practice, the author finds this balance intuitively. In so doing, the biographer surmounts time. Which and whose time? This article answers this question.

Keywords: history of science, scientist's biography, V. I. Vernadsky, W. Heisenberg, H. Bergson, G. Simmel, V. Muravyov, social time, biological time.

For citation: Aksenov, G. P. (2023) Biografiia uchenogo kak preodolenie vremeni [Biography of a Scientist as a Surmounting of Time], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, vol. 44, no. 3, pp. 566–576, DOI: 10.31857/S020596060027062-0.

Над большой книгой об академике Владимире Ивановиче Вернадском я стал задумываться в середине 1980-х гг. Но смысл ее и связь всех частей будущей биографии открылись, когда мне в руки попал удивительный документ. Это была небольшая дневниковая запись, сделанная в марте 1920 г. в Крыму, в которой ученый описывает свое состояние во время жесточайшего тифа, когда он в течение трех недель находился на грани жизни и смерти.

Надо сказать, что в то время дневники могли попасть ко мне только неофициальным путем. Официально в архиве они еще были под запретом по причине их абсолютной антисоветскости, хотя частично тайно переписывались и ходили по рукам в очень ограниченной академической среде, как это было тогда с книгами самиздата¹. И мне они тоже были доверены однажды, так что с непарадным портретом ученого я уже познакомился. Одно событие в них оказалось захватывающе интересно. Цитирую:

Мне хочется записать странное состояние, пережитое мной во время болезни. В мечтах и фантазиях, в мыслях и образах мне интенсивно пришлось коснуться многих глубочайших вопросов жизни и пережить как бы картину моей будущей жизни до смерти².

В каком-то параллельном мире (сейчас мы сказали бы – виртуальном) необычайно ярко проходили в его мозгу

красивые образы и создания моей мысли, счастливые переживания научного вдохновения <...> я не только мыслил и не только слагал картины и события, я, больше того, почти что видел (а м. б. и видел) и во всяком случае

¹ Аksenov Г. П. Дневники академика В. И. Вернадского: значение и судьба // История науки: источники, памятники, наследие; третьи чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники. К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика В. Л. Комарова (1869–1945) / Сост. Е. В. Минина. М.: Янус-К, 2019. С. 292–295.

² Вернадский В. И. Собрание сочинений. В 24 т. / Ред. Э. М. Галимов. М.: Наука, 2013. Т. 19. С. 257.

чувствовал – например, чувствовал движение света и людей или красивые черты природы на берегу океана, приборы и людей ³.

В том виртуальном будущем он посещал города и страны, планировал свою деятельность, придумывал принципиально новые приборы, ставил эксперименты, встречался с огромным количеством известных и неизвестных ранее ему людей. И все было подчинено одной великой цели: созданию международного Института живого вещества. Он должен был реализовать свое открытие – идею вечности жизни и космического значения биосферы, которая входит в строй и порядок природы. Он ощущал эту задачу как призвание, как миссию, порученную ему свыше.

Не сразу, но постепенно из этой записи и родился замысел книги об ученом. Собственно говоря, даже не замысел, а ощущение своего права ее писать, нарастала решимость взяться за большой труд. Я понимал, что в любом случае это будет какой-то вариант биографии, что нельзя описать исчерпывающе и объективно жизнь такой большой личности ⁴. Но этот вариант будет оправданным, только если в нем будет сделана попытка понять внутренний план жизни Вернадского, его судьбу. «Крымское видение» должно было стать кульминацией книги, вершиной сюжета. Самым важным для меня стала полярная разнесенность внешнего и внутреннего миров в этот момент его жизни. В одном измерении Владимир Иванович Вернадский – землевладелец и дворянин, 57 лет, человек, принадлежавший к научной, социальной и политической элите России и Европы, достигший вершин жизненного поприща, профессор и академик, член многочисленных ученых обществ и Временного правительства, задумавший и начавший преобразование всего высшего образования в стране – в ноябре 1917 г. все это потерял. Круговерть Гражданской войны, тыл врангелевского фронта, тифозная койка, нижняя грань унижения.

Но в другом, духовном, измерении он оказался на той вершине, откуда, как в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть», видно сразу во все стороны света. Он обрел новую жизнь, осознал свою миссию и сравнил себя с пророком, который слышит в себе голос, призывающий его к деятельности. Он почувствовал в себе «демона Сократа» и значение своего учения о живом веществе, которое окажет такое же влияние, как книга Ч. Дарвина.

Каким-то мистическим образом и мне через множество лет после этого события стало ясно, что нужно писать книгу о Вернадском, а предельная разнесенность внешних событий и их внутреннего смысла станет сквозной темой. Однако прошло еще четыре года работы, пока однажды не пришло решение: «Пора!» Сам текст был написан быстро, за три месяца 1992 г., но, разумеется, то была первая редакция, потом работа шла еще более года.

³ Там же.

⁴ К тому времени (1993) существовали биографии: *Мочалов И. И.* Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М.: Наука, 1982; *Гумилевский Л. И.* Вернадский. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 1988; *Баландин Р. К.* Поиск истины. М.: Детская литература, 1984; а также написанная мною краткая биография (10 а. л.) для серии «Открытия и судьбы»: *Аксенов Г. П.* Владимир Вернадский. М.: Современник, 1993.

Выбрать из великого обилия умственного материала главное и изложить в том порядке, который вытекал из этого переживания, было бы нетрудно, но это получилась бы не биография, а сочинение на тему мыслей Вернадского. И здесь мне помог сам мой герой, человек поистине универсальный. Натура в некотором смысле мистическая, вернее сказать, осознающая значение мистической стороны в жизни личности. Умея использовать подсознательные движения души, он был в то же время великим и трезвым аналитиком. Все свои поступки и переживания он тщательно продумывал, всю жизнь вел подробные дневники. Он даже страдал от излишней рефлексии и разоблачения окружающего. Иногда в письмах к жене или в дневнике даже проскальзывала некоторая тоска по спонтанности. И теперь его «крымское видение» придало форму моему повествованию, дало возможность показать, каким образом свет случившегося откровения освещает мир внешний и все события его жизни. Требовалось только всем его духовным поискам придать движение, прочертить жизненные линии, показать, как его идеи преломлялись в личном опыте и даже во внешних явлениях истории страны.

Значительно позже, когда рукопись и ее обработка были закончены, мне пришло в голову, что я столкнулся в той задаче соединения двух потоков — внутреннего и внешнего — с чем-то, что можно сравнить с известным в квантовой механике соотношением неопределенностей. Вернеру Гейзенбергу пришло решение установить запрет, предел в одновременном и точном определении импульса и координаты элементарной частицы. Соотношение неопределенностей в свое время стало очень волнующим открытием в физике, поставило многих в тупик, поскольку вдруг оказалось, что есть объективное, принципиально неустранимое ограничение любого нашего измерения: чем точнее мы устанавливаем путь движения частицы, тем неопределеннее становятся другие ее параметры или собственные характеристики. Существует ли на самом деле нечто общее между такими далекими областями, как изучение человеческой судьбы и микромира, это сейчас не важно. Достаточно того, что эта внешняя аналогия помогает понять, что когда мы обращаемся к прошлому, всегда возникает некая двойственность.

Такому человеку, как Вернадский, как и другим людям такого же склада, требуется быть переводчиком с языка вечности на язык времени. Но при этом его преследовал один литературный образ, о котором он часто вспоминал в разные годы и по разным поводам. Это образ, сформулированный Тютчевым: «Мысль изреченная есть ложь...» Трудность адекватного перевода мучила Вернадского. Он чувствовал, как много нужно приложить усилий, чтобы его осуществить, выразить нужные мысли, а потом претворить их в действия. Сделать общим достоянием тобой открытые ценности — очень трудно из-за ощущения ответственности, которую человек на себя накладывает по отношению к истине и обществу. Надо вступать во множество отношений, институционализировать идеи. Здесь мы прикасаемся к огромной теме, к загадке внешнего выявления духовной стороны существования, без которой наша жизнь предстанет цепью непонятных и даже нелепых поступков.

События должны были предстать как разворачивание внутренней программы, и тогда они приобретали совсем иной смысл, чем если бы этой

программы не существовало, вернее, если бы ее не существовало осознанно, потому что неосознанно, вероятно, она существует у каждого.

Вернадскому привиделось, что он будет жить в Америке, руководить созданным им международным Институтом живого вещества, причем продуманы были все предварительные шаги, которые он должен предпринять, чтобы осуществить такую возможность.

Но в реальности он приезжает во Францию и живет там в течение 1922–1925 гг. Внешне все выглядело (и так можно расценивать) как цепь случайностей. Он остался после поражения Белого движения на родине, вернулся в Петроград, но без всякой его инициативы друзья во Франции – русский эмигрант и французский ученый – обратились к ректору Сорбонны с предложением пригласить Вернадского читать лекции. В результате он почти четыре года живет в Париже, иногда переходя на положение эмигранта (его даже однажды исключили из академии). И все это время предлагает различным европейским и американским институтам и фондам создать институт (лабораторию) по своей задушевной теме живого вещества. Но все попытки оказались тщетными. Только один фонд предоставил ему стипендию, но на нее можно было всего лишь скромно прожить в течение года.

Парижские события имели, если можно так выразиться, трансцендентный смысл. Без одушевлявшей их внутренней энергии Вернадского они были бы несвязными. А так произошло в какой-то мере (с «изреченной ложью») воплощение пророчества. Институт состоялся, но всего лишь из одного человека и всего лишь на год (Вернадский смог только оплатить знакомым ученым в разных странах некоторые необходимые ему количественные анализы). Зато он без помех и отвлечений сделал важнейшую работу.

И вернувшись на родину, Вернадский создает в 1928 г. не институт, конечно, в силу советского обнищания, а небольшую лабораторию с новыми задачами (позже из нее вырос большой Институт геохимии и аналитической химии его имени АН СССР (РАН), но ныне далекий по своим задачам от живого вещества). Но все же впервые в мире началось изучение организмов как живого вещества, т. е. не в биологическом, а в атомном аспекте, следовательно, с геохимической и геологической точек зрения. Так что в действительности возник компромисс между чаемым и реальным. Он и стал темой этого (чрезвычайно важного, с моей точки зрения) периода жизни Вернадского и предметом многих глав книги.

Однако и на этой личной мистике нельзя было слишком уж заикливаться, нельзя было твердить постоянно, что события и поступки определены запредельным высшим смыслом. Это было бы излишнее педалирование: если свести все к духовной стороне, мы получим отвлеченное изложение теории.

Вот почему переводчиком вечности приходится быть и биографу. Но, невольно увлекаясь логической стороной действий Вернадского, я чувствовал, как пропадает движение жизни, ее ход и темп. Действия погребались под обилием и обширностью мыслей. Поэтому как бы ни были интересны (лично для меня) эти построения, приходилось ограничиваться и искать потерянную опору в практических перипетиях, которые дополняли бы повествование.

Однако я помню совершенно отчетливое впечатление, что и в изображении частностей жизни были свои трудности: чем больше я сосредоточивался на событиях, на движении жизни, тем меньше становились понятными сами эти движения. Они в конце концов начинали будто сами по себе ускоряться (текст буквально насыщался глаголами) и становились чисто внешними. В конце концов все начинает мелькать и мельчать, поступки становятся все более дробными, а затем и случайными и отвлекающими от главного, каким оно тебе представляется, их не успеваешь отмечать. Оставалась голая траектория, поток жизни, сводящийся к личным событиям: учеба, товарищи, друзья, влюбленность, женитьба, а также и к общественной истории: революции, политическая борьба, войны и т. п.

Каждое такое событие теряло определенность, скользило по поверхности моего сознания, поскольку было по форме таким же, как у других, оно теряло индивидуальное преломление и пробегало, не задевая чувств, становилось текучим. В конце концов, если бы подробностям была дана воля, они превратились бы в ряд несвязанных происшествий. Я чувствовал, что и здесь меня, как биографа, подстерегал тупик. Таким образом, при изложении событий внимание как бы балансировало, перепрыгивало от отыскания смысла жизни к течению повседневности.

Теперь, когда прошло время, мне стало понятно, что приходилось двигаться чисто интуитивно, и во многом движение зависело от личного выбора, от симпатий и антипатий, от уровня знаний. Думаю, по-другому и нельзя. Биография — не физический эксперимент: физики в каждом отдельном случае выбирают, какой параметр они будут измерять с наибольшей точностью, в зависимости от этого другие параметры настолько же уйдут в тень. Мои решения были не сознательными, но тоже основаны на выборе. Каждый раз, т. е. практически для каждой темы, отрезка, эпизода или главы книги, находилось соотношение неопределенностей, которое позволяло бы двигаться к запланированной заранее цели. Если укрупнялась событийная часть, то соответственно уменьшалась идейная связь. Приходилось балансировать на приближениях к точности. До границы определенности — события и достаточно неопределенно — не полностью, а в некотором укрупнении — какое-то их внутреннее объяснение. Мне теперь, после этого опыта, кажется, что сколько содержания или движения пишущий может удержать в своем внимании, не забывая себе напоминать об избранном направлении, столько его удержит и читатель. Каждый раз равновесие или мера находились неосознанно, по ходу повествования.

В биографии Вернадского был яркий эпизод — участие его во втором земском съезде. Это практически забытое нашими школьными учебниками событие состоялось 6–9 ноября 1904 г. На нем впервые за тысячу лет русской истории сто лучших наших соотечественников «самочинно», не спрашивая ни у кого разрешения, собрались и на глазах всей страны, гласно, потребовали от царя введения демократического строя и обеспечения прав личности. Событие это настолько важное, что оно оказало влияние на все последующие революционные события, определило их смысл. Более того, думаю, что и мы до сих пор сами, не замечая того, живем в его духовном

поле, пытаясь достичь заданную этими политическими деятелями научную планку общественного устройства.

Участие в съезде стало вершиной общественной деятельности Вернадского, и мне нужно было, чтобы это почувствовал читатель. В одном историческом миге — трех днях — сосредоточились пятьдесят земских лет, истинная дорога российского развития, и в свете этих дней последующая история стала выглядеть не так, как она описана в учебниках. И по-другому в их свете выглядит биография Вернадского, которого мы по традиции числим естествоиспытателем, а он был одним из виднейших русских политиков, земским конституционалистом. В книге подробность описания соответствует, мне кажется, его значению и укрупняет эпизод. И поскольку он неожиданен, то открывает широкие горизонты.

Аналогичные наблюдения нескольких философов и их мысли показались мне знакомыми, сделали более четкими мои неясные ощущения. Один из них творил примерно в то же время, что и физик-теоретик Гейзенберг, создавший соотношение неопределенностей. Это Валериан Муравьев, автор трактата «Овладение временем» (1924) и участник знаменитого «веховского» сборника «Из глубины» (1918). Летом 1917 г., когда революционные события куда-то неудержимо влекли потрясенную Россию, он заметил в том стремлении отнюдь не развитие и ветвление древа истории страны, а скольжение вниз по наклонной плоскости. В статье «Восприятие истории» Муравьев фактически описал тот же феномен: причиной неумолимо наступавшей катастрофы становилось само течение жизни, ее абсолютная связность, которую разрывали субъективные действия: власти прерывали правовой порядок, а бессознательные массы отрицали и разрушали все атрибуты прошлого. Однако история неумолимо движется, условия непрерывно меняются. Люди все время попадают в новую реальность, которую нельзя подправить, привести в соответствие с нашими замыслами, сформулированными на основе уже устаревших знаний, ставших просто неадекватными чувствами. Познание общества совсем не похоже на эксперименты в точных науках, предмет которых очень прост по сравнению с социальной сферой и может быть четко выделен. Здесь же любая теоретичность создает связь по большей части ложную и неполную. Муравьев указывает:

Голая практика, если она не действует вовсе слепо, вне всякой связи, склонна руководствоваться в своих начинаниях исключительно указаниями ближайшей грубой и внешней преемственности явлений⁵.

Еще ярче и осознанней тема какой-то принципиальной несовместимости смысла и потока истории увлекала в начале XX в. немецкого философа Георга Зиммеля, стала фактически основной в его творчестве.

Историческое содержание, которое мы изображаем, говорил философ, должно по определению принять форму жизни, т. е. непрерывности. Но стоит сосредоточиться на отдельных частях, как каждая из них начинает тянуть на себя ткань содержания, тяготеть к какому-то своему (часто неведомому

⁵ *Муравьев В. Н.* Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. М.: РОССПЭН, 1998. С. 49.

нам) центру. Пытаясь его уловить, мы снова разлагаем его на части и застреваем в новой нише и так без конца. В эссе «Проблема исторического времени» Зиммель писал:

Живую, в точности спаянную с потоком времени непрерывность так же трудно получить, как невозможно заменить непрерывную линию бесконечным умножением отдельных точек. Чем больше у нас отдельных картин, тем меньше мы можем придать этому форму непрерывности ⁶.

С познанием частных история все ближе к тому, «что действительно было», но ровно настолько события атомизируются, становится трудно найти причинно-следственную связь. Частности становятся моментальными неподвижными снимками. То же я чувствовал во время писания: если нет общего смысла, оно разваливается на подробности.

Зиммель утверждает, что существует определенный «порог уменьшения», когда не теряется ни содержание, ни связность:

Исторический элемент должен оставаться достаточно большим, чтобы его содержание удерживало индивидуальность, через которую возможен был бы выход к «раньше» или «позже» всех остальных [элементов] ⁷.

Однако познавательная проблема, на которую здесь указывается, говорит Зиммель в другом эссе («Созерцание жизни»), не нуждается в прямолинейном решении. Сама ее постановка способствует нашему углублению в предмет. Две несовместимые односторонности на самом деле держат историческое повествование ⁸.

Мне кажется, что за этими философскими рассуждениями проглядывает вполне позитивная научная основа. И Муравьев, и Зиммель – бергсонисты, они каждый по-своему развивают далее «философию жизни» Анри Бергсона, для которой первичными являются не привычные нам категории материального и идеального, а действие. Именно Бергсон впервые описал проявление времени как жизнь человеческого существа, различил мысленно его спонтанное течение от его осознания. Мы напрасно думаем, утверждал он, что, произнося слово «время», мы понимаем, что оно на самом деле означает. Всем известные единицы времени есть не оно само, а только «точки одновременности», т. е. мгновенные остановки, когда мы пытаемся как бы проверить дно течения, отметить, где мы находимся, как матрос пробует лотом дно фарватера. Но само по себе время есть промежутки между точками, о которых мы ничего сказать не можем, темные промежутки, представляющие собой спонтанную *durée* ⁹ (достойно упоминания, что Вернадский в своих трудах переводил это слово не как *длительность*, а как *дление*, т. е.

⁶ Зиммель Г. Избранное. В 2 т. / Отв. ред. Л. Т. Мильская. М.: Юристъ, 1996. Т. 1: Философия культуры. С. 527.

⁷ Там же. С. 528.

⁸ Зиммель. Избранное... Т. 2. С. 7–85.

⁹ Бергсон А. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1: Опыт о непосредственных данных сознания. С. 51–159.

в некотором смысле принудительную бренность: живое вещество заставляет время течь).

Бергсон провел аналогию с кинематографом, создающим из неподвижных кадров иллюзию движения. Мы должны представить, что в глубине человеческого существа есть неясно очерченная плоскость, с одной стороны которой из темноты всплывает часть пространства, движется и пропадает с другой. И когда мы пытаемся осознать это неподконтрольное ощущениям движение, мы можем запечатлеть его только как обездвиженный срез «пространства», который уже не является временем, поскольку время есть наша жизнь и оно останавливается, только когда наступает смерть.

Любой историк или биограф пытается воскресить давно остановившуюся жизнь, но именно «реальное время» (а Бергсон и был автором этого столь широко теперь распространенного в связи с информатикой термина), относящееся к ходу внутренней жизни человека, постоянно ставит исследователей перед выбором. На чем в данный момент сосредоточить и свое внимание, и внимание будущего читателя? Отдаться *élan vital*, как говорил Бергсон, т. е. потоку, неудержимому жизненному порыву? Но тогда мы попадаем под власть «темных промежутков», погружаемся в бессознательное движение и пропадут, уйдут в тень смысл и связь явлений и — что еще более важно в данном случае — станет непонятным процесс творчества, которым был занят герой жизнеописания¹⁰.

Или следует заняться описанием этого нового, а именно среза, широкого пространства, одновременно существующего в данный момент? Ведь оно дает именно понимание, ставит все в контекст духовной жизни личности. Но чрезмерное углубление в эту сферу лишает содержание индивидуальных красок. Мера в изображении обеих сторон есть некоторое чувство, что если мы описываем время, если повествование обогащается течениями и стремлениями, то ровно настолько же уменьшается его пространство, как бы превращаясь в одномерную вертикальную нить. А если растягивать пространство смысла и осознания, кадр рискует схлопнуться и превратиться в кристаллическую решетку.

Прояснение обоих моментов возможно только до известного предела, который и составляет предмет наших размышлений, тревог, ответственности и писательского изобретения. По-настоящему глубокой проблемой является даже не течение жизни — эта проблема неосознанно стоит перед каждым, — а ее преодоление, которое составляет задачу исследователя. Именно сверхъестественную задачу «овладения временем» (недаром это заголовок главного, продвигающего немного чуть далее идеи Бергсона труда Муравьева) решает тот, кто взялся за жизнеописание, создавая идеальную модель прошедшей реальности. Возможно, ее решение состоит в пристальном исследовании атомарного явления — события из жизни героя и, таким образом, укрупнении его, но только до такого предела, когда еще сохраняется сознание смысла.

¹⁰ Понятие об *élan vital* есть сердцевина книги: Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1998.

Однако о преодолении какого времени идет речь? Здесь нам надо уяснить себе, что охватываем мы при этом не прошедшее историческое время, которое уже застыло и кристаллизовалось, оставшись только в общей памяти, а живое время писателя и, соответственно, читателя.

Это мало осознаваемый нами момент. Требуется напомнить, что на самом деле тут мы прикасаемся к теме природы времени и его спонтанного течения. Отчего оно зависит, что является по определению Муравьева, времяобразующим фактором? Все философы и ученые, о которых тут идет речь, полагали как раз, что время создается человеческим существом, но не в том переносном смысле, когда мы говорим: окраска времени, дух времени или «эпоха Наполеона» и т. п., а в прямом и реальном биологическом значении. Течение времени продуцируется живыми организмами и ничем другим. Все фиксируемые изменения в мире, от астрономических явлений до социальных и психологических, нанизываются на нить внутреннего течения, или *дления*, человеческих существ.

Жизнь (беря это слово в предельно узком биологическом смысле) есть единственный в мире процесс, непрерывно длящийся миллиарды лет всегда одинаково, размеренно и закономерно. Однообразный процесс жизнедеятельности создает ход времени и все его основные характеристики: необратимость, мерную делимость, асимметрию (пресловутую «стрелу времени»), т. е. строгую направленность из того, что мы называем прошлым, в то, что мы называем будущим, связность времени с пространством¹¹. Поэтому наша психическая или умственная жизнь есть сознательная надстройка над темным и инстинктивным биологическим уровнем. Отсюда, как уже говорилось, и возникает эта навязчивая двойственность любого описания: она есть соединение здесь-и-сейчас текущего реального времени живых людей и их попыток, удачных или не очень, наложить на этот основной ритм жизни совсем иное, вневременное, содержание, связанное со смыслами и значениями, со словом прежде всего.

Время создавать не надо. По определению Зиммеля, оно и есть наша жизнь при условии элиминирования ее содержания. Оно течет спонтанно в глубине нашего существа, и если мы сопроводим его словами, да еще художественно, т. е. придадим им ритм, периодичность, изящество и красоту, как бы раскрасим время (чем занимаются самые древние и глубинные, чисто временные искусства – музыка и танец), то мы не преодолеем, а, наоборот, отдадимся ему, погрузимся в него. Но выстраивая «второй этаж», описывая творческие, не бывалые еще деяния, в особенности таких глубоких людей, как Вернадский, мы в реальности преодолеваем свое собственное течение, на какие-то миги забывая о времени, растягивая миги. В принципе на это направлено любое творчество. По сути дела, оно соответствует, отвечает не биологической, а другой природе человека. У него другой источник.

Чисто интуитивно мы всегда это чувствуем, а многие глубокие умы очень выразительно об этом писали, например, согласно буддистской мудрости, человек тем ближе к божеству, чем больше в его жизни «вечности» и чем

¹¹ О понятии биологического времени в историко-научном плане см.: *Аксенов Г. П.* Причина времени: жизнь – дление – необратимость. М.: КРАСАНД, 2014.

меньше «временности». Теперь появляется возможность исследовать это противоречие с естественно-научной стороны и любая биография дает нам богатейший материал в этом отношении.

Мне кажется, эти наблюдения, которые пока трудно систематизировать из-за их сложности, все же небесполезны. Ведь именно с естественно-научной идеей «реального жизненного времени» сталкивается любой биограф, когда пытается удержать духовное содержание человеческой судьбы, что означает для него столь же реально попытку преодоления времени.

References

- Aksenov, G. P. (1993) *Vladimir Vernadskii [Vladimir Vernadsky]*. Moskva: Sovremennik.
- Aksenov, G. P. (2014) *Prichina vremeni: zhizn' – dlenie – neobratimost' [The Cause of Time: Life – Duration – Irreversibility]*. Moskva: KRASAND.
- Aksenov, G. P. (2019) Dnevnik akademika V. I. Vernadskogo: znachenie i sud'ba [Diaries of Academician V. I. Vernadsky: Value and Fate], in: Minina, E. V. (comp.) *Istoriia nauki: istochniki, pamiatniki, nasledie; tret'i chteniia po istoriografii i istochnikovedeniiu istorii nauki i tekhniki. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia prezidenta AN SSSR akademika V. L. Komarova (1869–1945) [History of Science: Sources, Monuments, Heritage; Third Readings on Historiography and Source Study of the History of Science and Technology. Towards the 150th Anniversary of the Birth of the President of the USSR Academy of Sciences, Academician V. L. Komarov (1869–1945)]*. Moskva: Ianus-K, pp. 292–295.
- Balandin, R. K. (1984) *Poisk istiny [The Search for Truth]*. Moskva: Detskaia literatura.
- Bergson, A. (Bergson, H.) (1992) Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniia [An Essay on the Immediate Data of Consciousness], in: Bergson, A. (Bergson, H.) *Sobranie sochinenii [Collected Works]*. Moskva: Moskovskii klub, vol. 1, pp. 51–159.
- Bergson, A. (Bergson, H.) (1998) *Tvorcheskaia evoliutsiia [Creative Evolution]*. Moskva: Kanonpress and Kuchkovo pole.
- Gumilevskii, L. (1988) *Vernadskii [Vernadsky]*. Moskva: Molodaia gvardiia.
- Murav'ev, V. (1998) *Ovladenie vremenem. Izbrannye filosofskie i publitsisticheskie proizvedeniia [Mastery of Time. Selected Philosophical and Journalistic Works]*. Moskva. ROSSPEN.
- Vernadskii, V. I. (2013) *Sobranie sochinenii [Collected Works]*. Moskva: Nauka, vol. 19.
- Zimmel', G. (Simmel, G.) (1996) *Izbrannoe [Selected Works]*. Moskva: Iurist, vol. 1–2.

Received: August 28, 2022.